

Современные проблемы публикации писем периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Ключевые слова: письма периода Великой Отечественной войны, археография, дипломатический прием передачи текста.

Советский период отечественной истории уходит в прошлое. Возможности исследования его во многом зависят от уровня археографической деятельности. Вопрос о повышении качества публикаций документов XX в. неоднократно поднимался в научной печати¹. Так, по мнению академика Н.Н. Покровского, «фундаментальные законы источниковедения и текстологии едины для текстов разных эпох»². Среди основных проблем он называет полноту выявления и привлечения к анализу, изданию всех копий, списков, официальных и научных публикаций издаваемого документа; установление подлинника и копии; воспроизведение помет; датировку текста подлинника (протографа) и его списков (копий); определение аутентичного текста документа для публикации; составление комментариев и указателей (т.е. их отсутствие во многих изданиях или банальность содержания)³. Главная идея Н.Н. Покровского заключается в том, что правила публикации документов советской эпохи не должны принципиально отличаться от правил самых авторитетных публикаций древних документов и требуют от археографа столь же тщательной и всесторонней исследовательской работы.

Разделяя такой подход ученого к публикации документов новейшего времени, автор настоящей статьи пытается обосновать необходимость научного издания писем периода Великой Отечественной войны.

Письма военных лет не назовешь источником забытым, а в последние годы интерес к ним явно возрос, появились крупные источниковедческие исследования⁴. Что касается самих писем, то они стали издаваться уже в годы войны: «Письма гнева и ненависти» (М., 1942); «Письма из немецкого рабства» (М., 1943); «Письма патриотов» (М., 1944) и др. После войны вышло еще несколько сборников: «Письма с фронта» (Ашхабад, 1946); «Письма с фашистской каторги» (Киев, 1947); «Письма с фронта» (Ташкент, 1949) и др. Следующая волна подготовки и выхода в свет писем военной поры пришла на 1960–1970-е гг., когда в СССР на государственном уровне стали праздновать юбилеи Победы (1965, 1970 гг.). Именно в 1960-е гг. в связи с массовым созданием школьных, производственных, народных музеев происходило повсеместное выявление и собирание документов периода Великой Отечественной войны, в том числе писем. По подсчетам архивистов, только в официально зарегистрированных общественных музеях хранилось в 1980-е гг. свыше 8 млн документов, большинство из которых составляли письма⁵. В работе по их выявлению и изучению участвовали и профессиональные историки, археографы. Одними из первых ее развернули специалисты Вологодского пединститута⁶. К юбилейным датам практически во всех республиках, краях и областях готовились сборники писем военной поры. На середину 1980-х гг. известно о существовании 180 таких сборников⁷. Затем это направление археографии потеряло былой размах, и только в последнее время, в связи с организацией властями очередных юбилейных торжеств по случаю Дня Победы, стали появляться новые сборники фронтовых писем и других документов личного происхождения⁸. В наши дни наряду с типографскими изданиями получают развитие электронные публикации: архивы и музеи создают на своих сайтах электронные подборки военных писем⁹, выпускают диски¹⁰.

Менялись также подходы к выявлению и отбору для публикации писем военных лет. Так, в советское время они носили идеологический характер. Невозможно представить, чтобы тогда в сборник было включено письмо с критикой командования, властей, с сообщением о каких-то имущественных, денежных проблемах, о посылках, которые наши бойцы отправляли домой из оккупированной Европы. В первую очередь отбирались письма людей выдающихся, героев и орденоносцев. И хотя сейчас цензурные ограничения практически отсутствуют, некоторая «инерция» прежнего времени сохраняется. Значительную часть советских сборников наполняют письма публичного характера, т.е. направленные в газеты, на радио, в различные организации, партийные и государственные инстанции, писателям, артистам, политическим деятелям и отложившиеся в архивных фондах соответствующих учреждений и лиц. Текст их обычно заранее предназначался для широкого распространения, публикации. В газету «Правда» только за шесть первых месяцев войны поступило 35 тыс. таких писем, а всего за годы войны – 2 млн 314 тыс.; на Московское радио с 1941 по 1944 г. – более 2 млн¹¹. Эти письма, несомненно, интересный и важный источник. Вместе с тем они существенно отличаются от частных писем родным и близким, которые не предназначались для печати¹².

Процесс рассекречивания архивных документов обусловил возможность публиковать фронтовые письма, изъятые военной цензурой и особыми отделами. Известно, что признанные неблагонадежными письма изымались, а авторы их нередко оказывались под судом военного трибунала¹³. К сожалению, археографический потенциал судебных следственных дел (особенно по политическим статьям), материалов специальных, надзорных учреждений времен Великой Отечественной войны в плане выявления частных писем до сих пор не изучен, а сами фонды труднодоступны.

Перспективным направлением следует признать поиск документов в архивах зарубежных стран, что может дать неожиданные результаты. Так, в феврале 2010 г. в Мемориальный комплекс «Национальный музей истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (Украина) из фондов венских музеев было передано 1186 писем советских граждан первых дней войны, захваченных и вывезенных гитлеровцами¹⁴. Укрепление научных связей с зарубежными исследователями-археографами ставит на повестку дня вопрос о совместных публикациях фронтовых писем солдат разных стран¹⁵.

Важным и необходимым (если не сказать обязательным) представляется издание цельных комплексов – всех сохранившихся писем одного лица, вне зависимости от его заслуг и яркости содержания. Только на такой основе возможны серьезные научные исследования.

При передаче текста писем военной поры в большинстве случаев составители сборников следуют установленным нормам, по которым текст документов XIX–XX вв. должен воспроизводиться «по современным правилам правописания с сохранением стилистических и языковых особенностей подлинника», т.е. только отдельных слов и выражений¹⁶. Архивисты и работники местных издательств, опираясь на положение Правил о том, что тексты документов, даже дореволюционных, не только можно, но и нужно исправлять, психологически не готовы пропустить в публикации неверно написанное слово или стилистически корявую фразу, предложение. Это связано еще и с тем, что практически все публикации о войне имели преимущественно воспитательный, пропагандистский характер.

При всем уважении к достижениям советской археографии приходится признать, что в многочисленных изданиях фронтовых писем их тексты в большинстве случаев давались (и даются до сих пор) в соответствии с правилами современного литературного языка. Активная редакторская правка (без каких-либо оговорок и объяснений), перекомпоновка текста подчас меняли содержание писем, особенно если это вызывалось идеологическими соображениями¹⁷. Общие для советской археографии недостатки можно увидеть и в краснодарском издании 30-летней давности «Письма с фронта: 1941–1945 гг.»¹⁸. В нем

представлено 280 писем, большинство из них с купюрами и литературно-редакторской правкой.

Трудно не согласиться со специалистами ВНИИДАД, которые, отмечая специфику письма как документа очень личного, «как никакой другой» характеризующего автора и его отношения с корреспондентом, требуют от археографа передачи «тончайших нюансов» текста¹⁹. Ведь наличие ошибок может быть связано с обстоятельствами составления письма, отражать эмоциональное состояние автора, что особенно важно и ценно для документов военной поры. Кроме того, особенности орфографии и пунктуации могут характеризовать принадлежность к разным социальным слоям и раскрывать различные условия жизни, в частности невозможность получения образования. Редакторская правка неизбежно нивелирует индивидуальные черты и превращает письмо малограмотного рабочего или крестьянина в письмо среднего интеллигента²⁰. Следует отметить, что уровень грамотности большинства населения, в особенности сельского, несмотря на проведенную в Советском Союзе масштабную работу по ликвидации безграмотности и введению обязательного начального образования, к 1941 г. был реально невысок.

Идея о необходимости точной передачи текста фронтовых писем в последнее время получает распространение. Так, сотрудники Центрального государственного архива Республики Тыва, подготовившие сборник «Мы будем жить в коротком слове – ПАМЯТЬ» (Новосибирск, 2010), при передаче текста источников сохранили их пунктуацию и орфографию, поскольку это отражает «колорит того времени». Сохранены ими «в большинстве случаев» и другие индивидуальные особенности текстов. Однако отдельные источники в этом издании все же даны в сокращении²¹.

Малограмотные письма ставят перед публикатором почти такие же проблемы, как и древнерусские рукописи. Многочисленные ошибки могут затруднять не только прочтение, но и понимание смысла документов. В них часто отсутствуют правильное деление текста на слова, знаки препинания, заглавные буквы; имеется масса сокращений, орфографических и грамматических нарушений. Если послание писалось в особом эмоциональном состоянии, то даже грамотный автор может допустить много грубых ошибок. Археограф обязан сохранить и передать такие особенности текста. В этих случаях вносить исправления в него не следует (а часто практически невозможно). Гораздо удобней для читателей и более научно передать текст дипломатическим способом, т.е. строго следуя всем особенностям рукописи.

Для примера обратимся к хранящемуся в музее г. Лабинска Краснодарского края прощальному письму партизана В.В. Шевченко, опубликованному в недавно изданном сборнике «Страницы скорби и любви... Документальные свидетельства Великой войны (к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.)», подготовленном на кафедре истории и музееведения Краснодарского государственного университета культуры и искусств. Письмо, написанное автором на страницах собственного паспорта в фашистских застенках накануне казни, очень сложно для чтения и понимания. Реконструировать или редактировать его текст практически невозможно. В сборнике оно приведено как в первоизданном (с заголовком археографов), так и в адаптированном виде.

Прощальное письмо партизана Упорненского отряда Краснодарского края В.В. Шевченко своим родным, написанное перед казнью.

31 декабря 1942 – 4 января 1943 г.
[Станица Лабинская]

(Л. 1 об.) Ой дете и жена мои родные прошейте прошейте // (Л. 2 об.)

Станица Упорн Шевченко Елезавете прошу передат. Кто подымит. Чтоб. Знало семейст где я делся // (Л. 3)

Лиза. И детки Петя. Нина. Лида и сынок Ваня. Братя и сестры и вся моя родня и соседи и знакомаи. Досвидания навсегда // (Л. 3 об.)

Лиза живи сама с детками как бог даст. Погиб я напрасно 31 декабря^A 4 января разлучила нас стобой Лиза сырая земля. Нехотелос напрасно // (Л. 4) Погибат ну нечево неподделаеш судьба наша такова О чем я плакал за вами ден и ноч. Ой жал Лиза растов сваи // (Л. 4 об.)

Лиза прошу тебе помини меня. Сздай обет. Пуст поминут добрие люди // (Л. 5)

Зопомошу оброшеи коцу а я Вас любемой мой тес папа Незабывай свою доч и моих детей пока жив помогай ем. // (Л. 5 об.)

Папаша еше прошу забывай помогай моем детка. Сиротам Досвиданя Навсигда Навсигда // (Л. 6)

Лиза Детки Целую Всех Вас. Нешетно раз. Эх доч Лида споминай меня и вы мая Все дети Лиза // (Л. 6 об.)

Досвиданя Досвиданя нав Ох Лиза прийм последний мой поцелуй. Погип я 31 дек 42 г^B 4 января 43 года // (Л. 7, внутренняя сторона обложки)

С... Досвиденя Шевченко^C

Что касается адаптированного варианта, то это не просто отредактированный текст или его реконструкция в точном смысле этого слова. В нем раскрыты сокращения, восстановлены недописанные или утраченные слова; исправлены орфографические и другие ошибки; поставлены знаки препинания в соответствии с современными правилами. А справившись с этой задачей, публикаторы поместили вслед за адаптированным текстом описание (курсивом) внешнего вида источника.

«Ой, дети и жена, мои родные, прощайте-прощайте. //

Станица Упорная Шевченко Елизавете прошу передать, кто подымит. Чтобы знало семейство, где я делся. //

Лиза и детки: Петя, Нина, Лида и сынок Ваня. Братья и сестры и вся моя родня и соседи и знакомые. До свидания навсегда. // Лиза, живи сама с детками как бог даст. Погиб я напрасно (31 декабря^D) 4 января разлучила нас с тобой, Лиза, сырая земля. Не хотелось напрасно // погибать. Ну, ничего не поделаешь, судьба наша такова. О чем я плакал за вами день и ночь. Ой, жаль, Лиза, расставаться с вами. //

Лиза, прошу тебя, помяни меня. Сделай обет. Пусть помянут добрые люди. // За помощью обращайся к отцу, а я Вас, любимый мой тесть-папа, [прошу] не забывай свою дочь и моих детей, пока жив, помогай им. // Папаша, еще прошу – не забывай, помогай моим деткам-сиротам. До свиданья. Навсегда! Навсегда! //

^A В ркп. эта дата зачеркнута и дописана новая.

^B В ркп. эта дата зачеркнута и приписана новая более тонкими и бледными линиями.

^C Текст на обложке написан очень бледными чернилами; весьма предположительно первые два слова можно прочитать: «Споменай навеке».

^D Эта дата зачеркнута и приписана автором новая.

Лиза, детки, целую всех Вас несчетно раз. Эх, дочь Лида, вспомянай меня, и вы, мои все дети, и Лиза// до свиданья. До свиданья навсегда. Эх! Лиза, прими последний мой поцелуй. Погиб я (31 декабря 1942 г.)^Е 4 января 1943 года.

С... До свиданья. Шевченко.

Лабинский музей истории и краеведения им. Ф.И. Моисеенко. Подлинник. Прощальное письмо написано В.В. Шевченко на страницах своего паспорта. Письмо написано фиолетовым карандашом или, скорее всего, густыми (сделанными из грифеля?) фиолетовыми чернилами, каким-то полумягким, тонким предметом (размягченным концом палочки, может быть спички).

Паспорт РДА № 706958 на имя Шевченко Василия Васильевича, 1902 года рождения (станция Упорная Азово-Черноморского края). Паспорт выдан Лабинским райотделом НКВД Азово-Черноморского края 28.08.1937 г. Паспорт изготовлен на фабрике Гознак в 1935 г. Паспорт выполнен в форме книжечки с обложкой и 6 листами, скрепленными двумя скрепками. Обложка серая коленкоровая. На обратной стороне верхней обложки имеется сделанная другим почерком красными чернилами надпись «Упорная Шевченко Васильевича». Размер: 12×8,3 см; 12×17 см (в развернутом виде)²².

Приведенный документ, созданный в экстремальных условиях, уникален. Однако и другие письма, отличающиеся текстологической сложностью, могут требовать адаптации текста. В электронных публикациях эта проблема решается путем создания цифровых факсимильных копий самих документов.

Еще одна проблема издания фронтовых писем связана с их археографическим оформлением. Заголовки к отдельным письмам часто отсутствуют или очень кратки. Иногда в них указывается только дата написания, но почти никогда нет сведений о месте. В лучшем случае указывается, что письмо пришло из действующей армии. Теоретически можно установить часть, в которой служил автор, и соответственно определить, хотя бы примерно, место ее дислокации в тот или иной период, но на практике поиск такой информации представляет большие трудности и может занять много времени. Значительно облегчают и ускоряют его общедоступные активно пополняемые электронные базы данных, основанные прежде всего на документах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ОБД «Мемориал», «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.)²³. Научное издание, безусловно, предполагает установление даты документа и места его написания.

Еще хуже обстоит дело с легендами. Советские публикаторы часто опускали даже сведения о месте хранения документов. Указывались наименования архивов и номера фондов (без ед. хр. или листов)²⁴. Общие для советской археографии недостатки присутствуют, например, в уже упомянутом издании «Письма с фронта: 1941–1945 гг.» (1982 г.). В сборнике не указывается место хранения документов, если не считать записи в разделе «От составителей» о том, что «они хранятся в фондах партийного архива Краснодарского крайкома КПСС, Государственного архива Краснодарского края, в музеях, в семьях фронтовиков»²⁵. Полностью отсутствует информация о внешних особенностях писем, обязательная для научных публикаций. Это характеризует любое издание не как научно-популярное (для таковых рекомендованы развернутые поисковые данные, сведения о внешнем виде, подлинности и способе воспроизведения)²⁶, а как безграмотное с точки зрения археографа.

В изданиях последних лет, подготовленных архивами, поисковые данные приведены, как правило, в полном объеме, например: ГУ ЦАНО. Ф. 6217. Оп. 1. Д. 46. Л. 1–2. Подлинник, карандаш²⁷. Однако если для делопроизводственной документации их можно признать достаточными, то для документов личного происхождения этого явно мало. Для писем Великой Отечественной войны особенно важно назвать материал и орудия письма.

^Е Эта дата зачеркнута.

Эти сведения раскрывают особенности фронтового быта, обстоятельства создания писем. В легенду следует включать сведения не только о количестве и размере листов, качестве бумаги, но и о способах запечатывания писем. Обязательно должны воспроизводиться все записи на конверте (на обороте письма, если это обычные треугольники), включая адрес и адресата, обратный адрес, почтовые штампы, пометы военной цензуры и все другие, даже случайные записи и знаки. Легенда должна содержать сведения и о предыдущих публикациях документа, если таковые имелись.

В качестве примера подробной легенды можно привести сведения о письме Я.П. Степанченко своей матери Анне Михайловне и родным от 25 июня 1944 г. из действующей армии на территории Молдавии: *Из семейного архива Братковых. Подлинник, автограф. Простой карандаш. Бумага, 1 лист (20×16 см) тетрадный в линейку; бумага шершавая; верхняя часть (шириной 35 мм) отделена по сгибу; часть листа справа утрачена (до 2 см), был сложен равнобедренным треугольником. Адрес: «Краснодарский край, ст-ца Славянская, ул. Кубанская, № 17. Степанченко Анне М(ихайловне)»; «Полевая почта № 06738 Ш.Степанченко Яков П(етрович)». Штампы: «Просмотрено военной цензурой 08973»; «Полевая почта СССР 27 6 44», «Славянская... 13 7 44...» (остальная часть штампа не просматривается)²⁸.*

Столь же подробных контрольно-справочных сведений требуют текстовые и фотоиллюстрации в документальных сборниках и электронных публикациях научного типа, что встречается очень редко.

Научно-справочный аппарат многих сборников писем периода Великой Отечественной войны, в лучшем случае, ограничивается предисловием, в котором обычно раскрывается значение героической борьбы советского народа (т.е. носит исторический характер), а также именным и географическим указателями. Между тем фронтовые письма, несмотря на простоту их содержания, требуют серьезного комментирования. Но бытовые и семейные подробности очень трудно, а порой уже и невозможно пояснить. Упомянутые имена знакомых и родственников, например, или какие-то семейные, местные события вряд ли удастся восстановить без выезда на место жительства автора, поиска живущих потомков, знакомых, соседей и их опроса; записи воспоминаний. Работа эта с каждым годом становится все более и более затруднительной и все скуднее получаемая информация.

Последние представители военного поколения уходят, унося с собой свои представления о том времени, воспоминания и чувства. Вместе с ними исчезают подробности, тонкости советской жизни, надежды и нравственные искания наших отцов и дедов. Одна из важнейших задач археографии – сохранить эти сведения и дать возможность исследователям и потомкам проводить научную реконструкцию разных проявлений прошедшей жизни.

¹ См., напр.: *Покровский Н.Н.* Время публиковать источники // *Вестн. РАН.* 1997. Т. 67. № 2; *Болховитинов Н.Н.* Можно ли так публиковать архивные документы // *Вопросы истории.* 1997. № 9. С. 171–173.

² *Покровский Н.Н.* «Текстология» Д.С. Лихачева и проблемы издания документов XX в. // *Памятники отечественной книжности: новые тексты, новые интерпретации:* Сб. науч. тр. Новосибирск, 2007. С. 154.

³ Там же. С. 154–160.

⁴ *Иванов А.Ю.* Фронтовые письма участников Великой Отечественной войны как исторический источник: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009; *Козлов В.П.* Фронтовые письма 1941–1945 гг. как молитвы. К 65-

летию Победы // *Вестник архивиста.* 2010. № 2 (110). С. 24–47.

⁵ *Мамонов В.М.* Работа по собиранию документов личного происхождения // *Советские архивы.* 1987. № 4.

⁶ Об этом см.: *Баландин Н.И.* Сбор документальных памятников Великой Отечественной войны // *Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры.* Ч. 1: Памятники нового времени и советской эпохи. М., 1982. С. 82–92.

⁷ *Кондратьев В.А.* О публикации писем советских людей периода Великой Отечественной войны // *История СССР.* 1986. № 6. С. 100.

⁸ Письма Великой Отечественной. Тамбов, 2005; Солдатские письма. Саранск, 2005; Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях. Ставрополь, 2005; Нам выпало на долю... Великая Отечественная война в письмах, дневниках, воспоминаниях. Тверь, 2005; «Я пока жив...» (Фронтовые письма 1941–1945 гг.). Н.Новгород, 2010; Страницы скорби и любви... Документальные свидетельства Великой войны (к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.). Краснодар, 2010. Вып. 1; и др.

⁹ Напр.: подборка фронтовых писем на сайте ГАСПИ Кировской области: <http://gaspiko.ru/html/front>

¹⁰ О презентации CD-ROM «1000 писем о войне и мире. Вторая мировая война в письмах» в Национальном музее Республики Коми в 2006 г. см.: <http://www.komi.com/nmrk/news/2006/05/>

¹¹ Соломатин П.С. Фронтовые письма и корреспонденции в газету «Правда» в годы Великой Отечественной войны // Исторические зап. М., 1965. Т. 75. С. 243–255.

¹² Однако даже частные письма в то время, особенно в сельской местности, становились событием общим, общественным. Они обычно читались и пересказывались всем родственникам, друзьям, соседям.

¹³ В качестве примера можно назвать письма красноармейца М.П. Ермолова. См.: Расстрелян по пятьдесят восьмой (Письма с фронта, погубившие солдата М.П. Ермолова) / Публ. А.Н. Мельника // Отечественные архивы. 1995. № 3. С. 86–89. Письма перепечатаны в сборнике: Страницы скорби и любви... С. 31–36.

¹⁴ http://www.warmuseum.kiev.ua/rus/uvaga_poshuk.shtml

¹⁵ В рамках упомянутого выше проекта Национального музея Республики Коми «1000 писем о войне и мире...»

предполагалось издать письма граждан России, Финляндии, Норвегии, Швеции: <http://www.komi.com/nmrk/news/2006/05/>

¹⁶ Правила издания исторических документов в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1990. С. 49 (§ 100).

¹⁷ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. М., 2004. С. 385.

¹⁸ Письма с фронта: 1941–1945 гг. / Сост.: Э.М. Ефимова-Сякина, Ф.А. Палкин, Л.В. Тимофеева, Б.С. Хачемизов. Краснодар, 1982.

¹⁹ Методическое пособие по археографии. М., 1991. Ч. 2. С. 394.

²⁰ Там же. С. 394–395.

²¹ Новые исследования Тувы: Электронный научный журнал. 2010. № 3: <http://www.tuva.asia/tags/%D0%92%D0%9E%D0%92/>

²² Страницы скорби и любви... С. 27–31. Сборник подготовлен студентами-музееведами КГУКИ (в том числе заочниками, работающими в музеях) И.С. Братковой, К.П. Карагодой, Ю.Б. Кисленко, С.В. Озеровой; отв. сост. и ред. проф., д-р ист. наук В.И. Иванов. Подготовкой к публикации письма В.В. Шевченко занималась Ю.Б. Кисленко.

²³ <http://www.obd-memorial.ru/>; <http://podvignaroda.mil.ru/>; <http://www.ipc.antat.ru/>; <http://www.pobeda-info.ru/>; и др.

²⁴ Последнее встречается и в профессиональных изданиях, напр. в публикации «Расстрелян по пятьдесят восьмой...» (Отечественные архивы. 1995. № 3. С. 86–89) не указаны номера листов дела.

²⁵ Письма с фронта: 1941–1945 гг. С. 203.

²⁶ Подготовка научно-популярных документальных изданий по истории края: Метод. реком. М., 1991. С. 87.

²⁷ «Я пока жив...» (Фронтовые письма 1941–1945 гг.). С. 95.

²⁸ Страницы скорби и любви... С. 44.